

Владимир Бенедиктов

**Другие редакции и
варианты**

Владимир Григорьевич Бенедиктов

Другие редакции и варианты (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем
Другие редакции и варианты (сборник): 1883*

Аннотация

«Летучая ладья над влагою мятежной
Неслась, окрылена могуществом ветрил,
И вдаль я уплывал, оставив край прибрежный,
Где золото надежд заветных схоронил...»

Содержание

Бранная красавица	4
Сослуживцу	6
Жалоба дня	8
Золотой век	9
Озеро	10
Облака	11
Напоминание	13
Буря и тишь	17
Радуга	19
Н. N-ой	21
К М<ейсне>ру	23
Люблю тебя	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Владимир Григорьевич Бенедиктов Другие редакции и варианты (сборник)

Бранная красавица

Она чиста, она светла
И убрана серебром и золотом,
Герою воину мила
И с ним дружна, как с милым братом.
Свои стальные красоты
Одеждой тесной чинно края,
Во время мира и покоя
Она стыдится наготы;
Но вспыхнет брань, настанет дело,
И вмиг блеснет, обнажена,
И миру выкажет она
Красиво выгнутое тело,
Объята воина рукой,
Тогда, открыта, без наряда,
Она сверкает остротой
Огнеубийственного взгляда,

И в глубь сердец находит путь, –
И хоть лобзает без сознания,
Но далеко проходят в грудь
Ее жестокие лобзанья,
И часто, в жаркие места
Всекаясь с дикою любовью,
Ее железные уста
Дымятся жертвенною кровью. –
Когда нага – она грозит,
Она свистит, она разит;
Но гром военный утихает,
И утомленная рука
Ее покровом облекает,
И вновь она, тиха, кротка,
Близ друга, сбоку, отдыхает.

Сослуживцу

Буря брани прекратилась,
Кончен лютый пир войны,
И спокойно опустилась
Сабля верная в ножны.
К сердцу счастье привьется
Слаще стройного напева,
Ярче солнечных лучей,
В легкой резвости своей
Иногда она играла
Где рука ее бралась,
Сабля лавром обвилась.

Ты повергнешь к ножке милой
Этот мужественный меч
И, богат сердечной силой,
Поведешь такую речь:
«Вот, – ты скажешь ненаглядной, –
Вот, желанная моя,
Царской милостью наградной –
Посмотри – увенчан я.

К твоему лишь правосудно
Обращаюсь я теперь:
За отчизну бился грудью

Я не даром – нет потерь.
Но за то, что стойко, честно
Бой я выдержал в груди,
Жду еще награды лестной:
Ангел жизни! Награди!»

Жалоба дня

Чудной таинства приманкой
Увлечен, я как стрела
Гнался, гнался за смуглянкой:
«Стой!» – кричу я... Нет! ушла.
Грусть-тоска меня погубит,
Доля злая мне дана, –
Белокурого не любит
Чернокудрая она.

Золотой век

Где радость сверкала, куда ни взгляни –
На землю взирая с лазурного свода,
Светила небес заменяли судьей,
Законы писала одна лишь природа
И острым мечом не играла вражда
Любовь не таилась в ущельях сердец.

Озеро

Средь вскормленных снегом дубрав и пустынь
Я некогда видел волшебную синь,
На ложе песчаном покаясь,
Она то дрожала, тиха и светла,
То дико мутилась, росла и рвала
Униженный камнями пояс.
Я отроком часто на бреге стоял
Без мысли, но с чувством на волны взирая,
К ногам моим ластились волны.
Неверной стихии живая краса,
Летя расцветали челнов паруса.
Как перси красавицы, полны.

Облака

Там – в краях недостижимых
Для мечтателя очей
Сколько форм неуловимых!
Сколько дымчатых кудрей!
То прозрачны, то угрюмы,
Как сомнительные думы,
То с готовою слезой.
То с небесною грозой,
Эти груды, эти глыбы
Через горний мчатся свод.
Мнится, там простер изгибы
Дев туманных хоровод.
Там, в степи небес обширной,
Виден армии эфирной
Боевой, громадный ход:
Растянулась эта сила –
И заря из-под руки
Словно кровью обкатила
Эти грозные полки;
Войско реже, – там под тучей,
Как огни стрельбы летучей,
Солнца брызнули лучи –
И легли кругом в обломках,
В раззолоченных каемках,

Шлемы, латы и мечи.

Вот, отделясь от области волнистой

Тех облаков, идет из них одно

Могучее, – и с высоты оно

Царем глядит, – в опушке золотистой

Сияет верх; увенчано чело,

А мрак в груди, а в сердце – тяжело,

И капли слез с той вышины престольной

В обитель слез – на мир упали дольный,

А белый пар, как чистый фимиам,

Клубится ввысь, истаивая там.

Напоминание

Помнишь ли?

Нина! Помнишь ли мгновенья,
Как поклонник верный твой,
Полный страстного волненья,
Всюду мчался за тобой?
В светозарной, шумной зале,
Помнишь, милая, на бале –
В этом общем кипятке, –
Как вносили в вихрь круженья
Стан твой полный обольщенья,
На пылающей руке, –
Как рука моя лениво
Отделялась от огней
Бесконечно прихотливой
Дивной талии твоей, –
И в роскошном утомленье
Ты садилась в отдаленье,
Словно Нину ураган
Бросил вдаль своим порывом
И возвысил ей приливом
Юных персей океан,
И на этом океане
В пене млечной белизны
Через дымку, как в тумане,

Колыхались две волны, –
И, следя их колыханье
И лоя твоё дыханье,
Головой к тебе склонясь,
То угрюм, то бурно весел,
Я стоял у этих кресел,
Где, легко облокотись,
Ты покоилась так нежно,
Отмахнув кудрей извив
И мизинца сгиб небрежно
К алым губкам приложив,
И с дрожащей, страстной речью
К твоему клонясь заплечью, –
Между слов, – прошу! молю! –
Весь проникнут обаяньем,
Перерывистым дыханьем
Я вышептывал: люблю;
Ты внимала мне приветно,
А шалун главы твоей –
Резвый локон – незаметно
По щеке скользил моей.
Помнишь, где-то раз, мечтами
Невоздержными влеком,
Я осмелился тайком
Между жадными перстами
Сжать твой пальчик с перстеньком
И почувствовал мгновенно,
Как руки твоей огонь
Вскользь, незримо, сокровенно

Весь упал мне на ладонь,
Словно сказано: страдалец!
Робко ловишь ты слегка
Мой один лишь бедный палец, –
На! вот вся моя рука!
Боже! Жизнь готов отдать я,
Только б был возобновлен
Этот миг рукопожатья, –
Сотни жизней стоит он.
Помнишь, Нина, в миг разлуки,
Наши, от людей вдали.
Словно сросшиеся руки
Разорваться не могли?
Помнишь, раз, в уединенье –
Незабвенное мгновенье! –
Я к ногам твоим упал,
И потом в своем пылу я
Что-то вроде поцелуя
С жарких уст твоих сорвал?

Помнишь, Нина... Нет? Забыла?
Для чего ж и говорить,
Коль нельзя того, что было,
Нам на деле повторить?

Нина, помнишь те мгновенья,
Или времени струи
Взрастили мох забвенья
На развалинах любви?

Буря и тишь

Над морем гроза – так и брызжет огонь!
И вал то приляжет и пену раскатит,
То вскинется, вспрынет, как бешеный конь,
И, кажется, гривой до неба дохватит; –
И вот опоясана молний мечом
Строптивая влага взлетела смерчком,
Но небо далеко – и столб тот сердитый
Упал с диким воплем громадой разбитой.

Кончен ропот непогоды,
Улеглись морские воды, –
Где и след минувших бурь?
Зыбь блестит и дышит ровно –
И глядится в ней любовно
Неба ясного лазурь.

Так смертный, познавшем земли недовольный,
Из темного мира, из сени юдольной
Стремится всей бурей ума своего
Допрашивать небо о тайнах его;
Но ум, изнузив свои бурные крылья,
Во прах ниспадает, – напрасны усилия!

Стихло гордых дум волнение,

Сердце в тихом умиленье
Избирает веры путь.
Смертный к небу взор возводит,
И оно к нему нисходит
В успокоенную грудь.

Радуга

За тучами солнце, не видно его,
Но там оно капли нашло дождевые,
В них блеск преломило луча своего.
И по небу ленты пошли огневые.

И ленты те стали цветистой дугой,
И эта дуга в своем ярком уборе,
К зениту подъемля изгиб свой крутой,
Концы погрузила в безбрежное море.

И радугой ясной мой взор уяснен,
И вид ее сердцу отраден и сладок:
Он мне обновляет минувшего сон –
Тот сон, опоясанный лентами радуг.

Мне памятни сумрак и тучи тех дней,
Но в тучах тех крылось блаженства светило,
Бывало, грустил я, но в грусти моей
Всё так многоцветно, так радужно было.

Как в каплях дождя, в сих слезах облаков,
Рисуется пламя лучистого Феба,
В слезах моей грусти сияла любовь
Цветными огнями сердечного неба.

Н. Н-ой

О, не играй

О! не играй веселых песен мне,
Мой бедный слух напрасно раздражая!
Мне блеск их чужд, мне живость их – чужая,
Не для меня пленительны оне.
Где прыгают, смеются, пляшут звуки –
Они скользят по сердцу моему,
Лишь мощный вопль аккордов, полных муки,
Вторгается в объятия к нему.

Так вот она, вот музыка родная!
Она, скорбя, рыдая и стеная,
Святым огнем всю душу мне прожгла,
И там – на дне, на язвах замерла.
Играй! Играй! Пусть эти тоны льются!
Пускай в груди на этот внятный зов
Все прошлые страданья отзовутся,
Протекшего все тени встрепенутся
И сонная пробудится любовь!
Божественно! – Дыханья нет... нет слова...
Божественно! – Лей эти звуки, лей!
Еще! еще! – О, дай ожить мне снова!
Дай умереть под музыкой твоей!
Понятны мне, понятны эти звуки:

Вот – вздох любви! вот – тяжкий стон разлуки!
Вот – тихая молитва... вот – слеза...
Вот – звонкое надежды лепетанье!
Вот – ревности глухое клокотанье!
Вот – дикого отчаянья гроза,
И бешеных проклятий скрежетанье,
И хохота безумного раскат,
И вот – сверкнул кинжал самоубийцы...
Чу! – Божий гром!.. Конец! – Трещат гробницы...

Земля дрожит... Архангелы трубят.
Остановись!.. Струнами золотыми
Понятно всё ты высказала мне,
И, звуками исполнен неземными,
Я весь горю в торжественном огне.
Я в них воскрес, их силой стал могуч я,
И, следуя внушенью твоему,
Когда-нибудь я лиру обойму
И брошу в мир их полные отзвучья!

К М<ейсне>ру

И сколько планов жизни мнимой
Чертила детская душа,
И там – в дали необозримой
Как жизнь, казалось, хороша!
Ударил час, – мы полетели
Вдоль разных жизненных дорог,
И скоро сердцем откипели,
И юный пыл наш изнемог.
И вот, мой друг, пожив немного,
Узнав людей, вкусив любовь,
Уже на мир мы смотрим строго,
Как пересозданные вновь,
Вздыхаем, шлем упреки людям
И говорим, что жизнь плоха,
Что вся она, когда рассудим,
Не стоит звучного стиха.
Что всё неправдой, злобой веет,
Что в общей стуже мерзнет кровь,
Что дружба нехотя немеет
Под гнетом рока, – а любовь?
В любви ль найдем еще отраду?
Увы! Напрасные мечты!
Любовь земная – капля яду

Люблю тебя

«Люблю тебя» – как слабо это слово!
Я, может быть, тебя им оскорблю.
Оно звучит так пошло, так неново,
Ничтожно так! Его я истреблю, –
А между тем не нахожу другого,
Чтоб выразить, что я тебя люблю,
Люблю не так, как те, что лишь полюбят –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.